

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
Колосовой Екатерины Игоревны**

**на тему: «Творчество Дж. Ритсона и осмысление исторического
прошлого Великобритании на рубеже XVIII-XIX веков»
по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира»**

Диссертационное исследование Е.И. Колосовой посвящено творчеству Джозефа Ритсона, в России почти совершенно неизвестному, да и в англоязычном литературоведении изученном недостаточно. В период, когда гуманитарная наука ищет новые обоснования для своей работы, очень уместным представляется пересмотреть опыт предыдущих столетий, ища своего рода «невыбранные пути», пропущенные развилки, имена, на которых стоило бы остановиться подробнее. В эпоху популяризации знания важно, что научное в наследии Ритсона тесно и сознательно связано с публицистическим, что Ритсон стремится (как и многие его современники, следует заметить) детально обосновать свою позицию, показать ее отличие и свое превосходство над оппонентами. Эта несколько полузабытая в последнее столетие риторическая культура сейчас снова неизбежно выходит на первый план. В эпоху споров о медиевализме важно и стремление Ритсона обосновать одновременно дистанцию между «старинным» и современным, и их пересечение.

Благодаря всему этому научное наследие Джозефа Ритсона представляется нам чрезвычайно актуальным. Оно составляет не просто «еще один кирпич в стене» нашего знания о культурной истории Великобритании конца XVIII века: как убедительно показано в исследовании Е.И. Колосовой, Ритсон предложил новые пути в текстологии, истории письменной культуры

и других гуманитарных науках – пути, не всегда понятые и принятые современниками, но не во всем ясные нам и сейчас.

К сожалению, автор диссертационного исследования, обосновывая его актуальность, ограничилась главным образом указанием на «возрастающий в последние десятилетия интерес к творческому наследию Дж. Ритсона» (с. 26-27). Тем не менее, само исследование, его ход и выводы, а также вынесенные на защиту положения неоспоримо показывают, что опыт как реализованных, так и лишь заявленных проектов Ритсона может быть интересен и показателен для современной науки.

Несомненна и новизна исследования, а также его методологическая оригинальность. Оно демонстрирует, что его автору хорошо знаком историко-литературный и в целом гуманитарный контекст эпохи: весьма обширен список литературы (при том имена и названия, которыми автор оперирует, для нее далеко не пустой звук). Сложный процесс воссоздания литературного спора проведен со знанием дела и умением отобрать достаточное количество деталей, чтобы не утонуть в их изобилии. Из всего наследия Ритсона отобраны кейсы одновременно и однородные (все они предлагают новаторские для своего времени приемы работы с историческими текстами в широком смысле слова), и настолько разнородные (баллада как жанр в первой главе, наследие одного автора – во второй, фигура одного героя – в третьей), чтобы не утомлять читателя повторяющимися аргументами и стереотипными выводами.

Отметим и интересную попытку методологического (и отнюдь не механического) соединения традиций российских литературоведческих школ – от А.Н. Веселовского до А.А. Аникста – и наследия зарубежных литературоведов.

Выносимые на защиту положения обоснованы не просто как идеи, а всем ходом анализа в рамках диссертационного исследования. Е.И. Колосовой удается достичь в том числе и баланса между политико-идеологическими и научными воззрениями Дж. Ритсона, не впадая при этом

в биографизм и не делая литературоведческое заложником историко-политического. Логичен переход от редакторских взглядов Ритсона к его литературоведческой практике и скрытым или открытым влияниям (в первую очередь, в образе Робин Гуда) на науку и культуру последующих веков.

Структура диссертации также ясна и тщательно продумана. Первая глава, приобретшая статус вводной, сфокусирована в целом на взглядах Дж. Ритсона на историю. В ней объединен анализ ранних работ Ритсона и исторического процесса перехода от синкретического гуманитарного антикваризма к филологической текстологии. Сюда же вписан конкретный пример – участие Ритсона в полемике о балладах, их классификации, генезисе и древнеанглийском стихосложении. Важно, что полемика об англо-шотландском балладном континууме в целом вынесена за рамки политико-идеологических споров об «английском» и «шотландском» в британской культуре.

Вторая глава посвящена шекспириаде Ритсона, как состоявшейся, так и лишь задуманной. Наследие Шекспира в эпоху складывания культа Барда как «дитяти Природы» и одновременно «национального поэта» – прекрасный материал для проверки эдиционных теорий и редакторских практик. Не случайно и то, что для Ритсона Шекспир стал важнейшим полем деятельности, и то, что в диссертации Е.И. Колосовой этому аспекту его работы посвящена целая глава. Как и в предыдущей, здесь соединяется анализ теоретических построений Ритсона, его полемических высказываний и гипотетически достраиваются нереализованные издательские планы.

Наконец, в третьей, посвященной изданию робингудовского цикла, главе, Ритсон предстает перед нами одновременно как историк, текстолог и политический мыслитель – смесь, характерная для XVIII и начала XIX века, но с тех пор забытая и возрождающаяся лишь на рубеже нового тысячелетия. Каждый аспект здесь важен – в том числе и, возможно, кажущаяся современному читателю надуманной социальной принадлежность Робин

Гуда – от размытой и наиболее «аутентичной» позднесредневековой через аристократизацию его в елизаветинской и яковианской драме - к радикальной деаристократизации у Ритсона, которая впоследствии окажет столь большое влияние на литературу и массовую культуру XIX и особенно XX века.

Диссертационное исследование Е.И. Колосовой, разумеется, не свободно от некоторых неточностей, которые, впрочем, носят исключительно вторичный и локальный характер.

Так, например, в заглавии третьей главы Дж. Ритсон назван «забытым создателем цельного образа Робина Гуда». Это, конечно, во многом верно, но из всего наследия Ритсона именно издание робингудовского цикла было наиболее известно даже в конце XIX – первой половине XX века, в годы максимального падения его авторитета. Кроме того, по-своему цельным был и «позднеелизаветинский» образ Робин Гуда – скрывающегося аристократа. Если Ритсон действительно старался открыть нам «историческую правду», то теперь мы достаточно понимаем, как работает медиевалистское воображение, для того, чтобы понять, почему тот или иной аспект биографии героя (например, его происхождение) актуализируется в той или иной исторической ситуации.

Во второй главе, на мой взгляд, стоило остановиться подробнее на эдиционном постулате Ритсона о необходимости сличения (колляции) существующих шекспировских изданий с указанием разночтений – требовании, которое предвосхищало первые издания *variorum* («the old copies, of which we have heard so much, have never been collated by any one»). Разумеется, такой стандарт к тому времени давно применялся к изданиям античных классиков, но в шекспироведении еще господствовала наивная иллюзия возможности реконструировать «исходный текст». Вероятно, именно в этом ключе стоит рассматривать ритсоновский «постулат скромности» редактора, порицающий ту «legislative and dictatorial manner in which every succeeding editor has ushered hisself into the world».

Трудно полностью согласиться с мнением о том, что «В Средние века и Новое время искусством считалась игра актеров на сцене, произносимый ими текст не был безусловной ценностью сам по себе...» (с.93). Даже если принять, что в цитате перед «новым временем» пропущено слово «раннее», вряд ли адаптация, о которой Е.И. Колосова говорит дальше, была следствием обесценивания «произносимого текста». Вероятно, стоило бы сказать, что текст и игра актеров оценивались как часть одного произведения искусства, а адаптация была средством дать ему новую жизнь.

Более логичной хотелось бы видеть постановку кавычек в понятии «саксонский», когда речь идет о ритсоновском термине для того, что сейчас называется древнеанглийским языком – в том числе и с учетом современных споров о термине «англосаксонский» в западной науке и отечественном публичном пространстве.

На стр.75 во фрагменте о слове «air» и «ария» присутствует небольшая неточность: хотя эти слова действительно этимологически родственны, первое скорее означает не «главную партию в хоральной музыке», а, по определению Томаса Морли, общее название несложных моноголосных песен: «these and all other kinds of light musick sauing the Madrigal are by a generall name called ayres».

Текст работы тщательно выверен, поэтому разночтения в нем попадаются весьма нечасто. Исключением, пожалуй, является транскрипция фамилии Gough как «Гоф» на стр. 19 и «Гофф» на стр. 39.

Вместе с тем, указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно

приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Колосова Екатерина Игоревна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.2 – «Литературы народов мира».

Официальный оппонент:

Кандидат филологических наук,
Доцент кафедры романо-германской филологии
Историко-филологического факультета
Образовательное частное учреждение высшего образования «Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет»

Макаров Владимир Сергеевич

08.12.2023

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

10.01.05 Литература народов Европы, Америки и Австралии

Адрес места работы:

109651, Москва, улица Иловайская, д.9, стр.2, ауд. 304
ОЧУ ПСТГУ, кафедра романо-германской филологии
Тел. +7 (495) 646-71-38; e-mail ff_germfil@pstgu.ru

Подпись сотрудника
удостоверяю: